

Глава 1

— Лариса Дмитриевна! Лариса Дмитриевна, вы меня слышите?

Лариса с трудом заставила себя выйти из тупого оцепенения, охватившего ее, точно плотный, густой туман.

— Да, я вас слышу.

— Пожалуйста, ознакомьтесь. Это записано с ваших слов. Читайте внимательно. Может быть, что-то зафиксировано неверно или неточно. — Высокий плечистый майор, наверняка любимец женщин, протянул листок протокола. Красивый, высокий лоб, строгий очерк скул, открытый, дружелюбный взгляд спокойных серых глаз. Мужчина смотрел на Ларису с сочувствием и пониманием.

Она на мгновение представила, как выглядит со стороны: нарядный, вызывающе открытый сарафанчик, ярко накрашенное лицо, искусно уложенные волосы — и контрастом ко всему этому пробивающиеся сквозь макияж мертвенная бледность, растерянный вид. Действительно, зрелище, внушающее жалость.

Лариса взяла у оперативника бумагу. Строчки прыгали перед глазами, ей пришлось изучать написанное несколько минут.

— Да, все так и есть. — Она вернула протокол красавцу майору. — Все правильно. Только цвет. Он не серый, как здесь написано, а серебристый.

— Исправим, — серьезно сказал плечистый. — Большое вам спасибо, Лариса Дмитриевна. Мы, конечно, будем искать этого подонка и, надо полагать, найдем. Но вы, как свидетель по делу, должны будете посещать прокуратуру.

— Часто? — испугалась Лариса.

— Точно сказать не могу, — мягко отозвался майор. — Раза два, три, может, и больше. Так что будьте добры оставить контактный телефон, по которому с вами можно будет связаться. — Он достал из нагрудного кармана авторучку и вложил в ее пальцы. — Вот тут, — лист протокола снова оказался перед Ларисиным лицом.

Дрожащей рукой она нацарапала домашний номер, подумала секунду и приписала рядом мобильный.

— Это на случай, если меня не окажется дома. Я часто допоздна задерживаюсь на работе.

Во взгляде майора появилось любопытство. Видимо, его заинтересовало, что за работа такая у этой красивой, хорошо одетой и ухоженной барышни. Однако он ничего не сказал, еще раз просмотрел протокол и удовлетворенно кивнул:

— Это все.

— Я могу идти? — поинтересовалась Лариса.

— Да, конечно. Еще раз примите нашу благодарность.

Он козырнул и, повернувшись, пошел к группе оперативников, стоящей у милицейского «мерса».

Лариса чуть помедлила, а потом на ватных ногах поплелась на другую сторону улицы, где у обочины си-

ротливо притулилась ее старенькая «Ауди». Пискнула сигнализация. Лариса распахнула дверцу и устало опустилась на сиденье. За сорок минут разговора с милиционерами воздух в наглухо закрытом салоне нагрелся до немыслимой температуры. Голую спину обожгло, но она даже не поморщилась. Равнодушно взглянув на себя в зеркальце, машинально поправила выбившуюся из прически прядь. Потом долго, неловко расстегивала маленькую кокетливую сумочку, шарила в ней в поисках сигарет.

Закурив, она опустила боковое стекло до предела, уселась поудобнее и положила обе руки на руль, стараясь унять в них противную мелкую дрожь. Когда наконец это удалось, Лариса выкинула окуроч в окно, вздохнула и плавно выжала сцепление. Машина мягко тронулась и понеслась по почти пустой улице. Было пятое августа, воскресенье, девять часов утра...

Глава 2

Накануне, в субботу, четвертого августа, жара в Москве и ее пригородах достигла своего апогея. Противоречия всем нормам и законам природы, столбик термометра поднялся на отметку тридцать пять градусов, и это лишь в тени. А на солнце красная ниточка уходила далеко за сорок. На улицах плавился асфальт, как в Ялте. Измученные зноем москвичи, не сумевшие выбраться на уик-энд за город, в благословенную прохладу фруктовых садов, на чем свет стоит кляли капризный столичный климат. Одно дело, когда плюс тридцать градусов в июле, самом жарком месяце лета! Но август!

Лариса, то и дело останавливаясь в пробке, с легкой паникой поглядывала из окна «Ауди» на бесчисленную вереницу перегревшихся машин, стоявших с открытыми капотами вдоль обочины кольцевой дороги. Рядом нетерпеливо топтались взмокшие от зноя водители, дожидаясь, пока их транспортные средства остынут.

От опасения пополнить ряды этих страдальцев, а также после ссоры с родителями на даче у Ларисы тупо ныл левый висок. Хуже нет, когда тебя в двадцать шесть лет от роду начинают воспитывать, да еще так, как это делает отец. Именно отец, а не мама. Та только молча смотрит грустными глазами. А вот папа — дело другое. Ему, всю жизнь проработавшему на одном месте, в оборонном «почтовом ящике», поступок дочки кажется чем-то из ряда вон выходящим.

Шутка ли: от мужа отказалась. И от какого мужа! Богатого, красивого, непьющего, влюбленного в нее без памяти. Отец с самого начала был полностью солидарен с Павлом в его требовании, чтобы она ушла из «Оперы-Модерн». Дескать, такая работа жены позорит порядочного мужика. Стыд один, почти голяком по сцене бегать, всякую пакость изображать с чужими мужчинами. Ты певица, ну и пой себе арии да романсы. А развратничать нечего.

Что поделаться, в глазах отца и Павла Ларисина работа у Мишки Лепехова, главного режиссера модного музыкального театра «Опера-Модерн», выглядела сплошным развратом.

Даже теперь, спустя полтора года после развода, отец все никак не мог простить Ларисе, что та предпочла работу благополучной семье и налаженному быту.

Он страстно мечтал о внуках, а Лариса и Павел так и не успели обзавестись ребенком. Более того, в ближайшем будущем упрямая дочь, похоже, не собиралась устраивать личную жизнь. Проще говоря, Лариса упорно не желала ни выходить замуж, ни даже знакомиться с кандидатами на роль супруга, которых неустанно подыскивали родители.

Собственно, из-за одного из них и разгорелась последняя ссора. Антон, живший на даче по соседству, был врачом и неплохо зарабатывал в хозрасчетном отделении одной из московских больниц. На Ларису он давно бросал томные и страстные взгляды, вызывавшие у нее почему-то лишь неудержимые приступы смеха. Родителям же, и особенно Дмитрию Леонидовичу, Антон очень нравился: надежный, непьющий и внешне весьма представительный. Что еще нужно бабе для счастья?

Как раз в эту субботу у Антона случился день рождения. С утра он сгонял в станционный магазинчик, затарился выпивкой, закуской и стал громко жаловаться, что всему этому добру суждено пропасть, ведь из города в такую жару к нему на дачу никто не доедет.

Антонина Петровна тут же включилась в спектакль и предложила горемыке-новорожденному отпраздновать знаменательное событие у них. Мол, рядом две женщины, неужели они стол одинокому человеку не накроют?

Антон долго уговаривать не пришлось — он мигом явился на соседский участок с бутылками и разной снедью. Навстречу ему спешил довольный Дмитрий Леонидович, уже предвкушающий приятный вечер за рюмочкой на тенистой террасе.

И надо же было Ларисе нарушить эту идиллию! Она вовсе не собиралась оставаться на даче в субботний вечер и хлопотать за праздничным столом в качестве радушной хозяйки. У нее были совершенно другие планы.

Лепехов, гениальный, сногшибательный Мишка, выдумщик, фантазер и фанатик новаторства в оперном жанре, в начале августа задумал постановку «Риголетто» Верди и предложил Ларисе главную роль. В опере оказалось достаточно любовных сцен, а так как Мишка проявлял остроумие и оригинальность именно в них, спектакль обещал быть аншлаговым. Труппа буквально загорелась новой идеей главрежа и согласна была начать репетировать, несмотря на жару. Премьеру наметили на самое начало сентября, времени оставалось в обрез, и первое знакомство с материалом назначили на воскресенье. Поэтому, приехав на дачу к родителям в субботу утром, Лариса намеревалась в тот же день вечером вернуться в Москву. Мишка любил проводить репетиции рано утром, пока чувствовал себя особенно свежим и полным сил.

Обо всем этом, конечно, не вдаваясь в подробности, и поведала Лариса возмущенным родителям. Реакция их была ужасна. Мама часто заморгала, будто собираясь расплакаться, и ушла в дом. Отец долго и нудно читал Ларисе мораль. Та собирала сумку с нужными вещами и молчала. Жалость к отцу боролась в ней с раздражением, и наконец победило второе — Лариса сорвалась и наругала. Хлопнув дверцей машины и даже не поцеловав на прощание мать, она уехала.

Ей повезло. «Ауди» хоть и была семилетней, но жару переносила стойко. Лариса остановилась у подъ-

езда и вылезла на раскаленный, несмотря на вечер, воздух, чувствуя себя донельзя усталой и разбитой.

На лавочке возле дома сидели две старушки. Одна из них, Галина Степановна, тучная, с отеками, распухшими ногами-тумбами, была ее соседкой по лестничной площадке. Она сладко улыбнулась беззубым ртом, однако маленькие, глубоко посаженные глазки цепко рассматривали Ларису с головы до ног.

— Красавица наша приехала! — елеинно пропела старуха, кивая проходящей мимо девушке. — Чего ж в такое пекло в город? Завтра же выходной. Отдыхала бы в холодке, а то здесь не продохнуть.

— Работа, Галина Степановна, работа, — улыбнулась Лариса в ответ, — расслабляться некогда.

— Ну, с богом, раз работа, — согласилась бабка, вздыхая.

Обольщаться насчет соседкиной доброжелательности не приходилось. Лариса отлично знала: как только она скроется в лифте, обе старушениции тотчас самозабвенно начнут перемывать ей кости, называя уже не красавицей, а хорошо еще если только сукой и потаскухой.

Ларису это нисколько не волновало. За пять лет работы в театре она выслушала много гадостей — не только от мужа и родителей, но и от лучшей школьной подруги и годами проверенной институтской компании. Дружба с Полиной постепенно сошла на нет, однокурсники-вокалисты один за другим перестали звонить. Павел был последним в этой цепочке. После его ухода Лариса окончательно смирилась с тем, что ее пристрастие к «Опере-Модерн» вряд ли будет оценено по достоинству кем-то, не имеющим отношения к

театру. Поэтому последние полтора года она общалась лишь с членами лепеховской труппы — теми людьми, у кого находила понимание.

Пустая квартира встретила Ларису духотой, хотя все форточки были открыты настежь. Она скинула в коридоре увесистую спортивную сумку, сняла удобные босоножки на низкой платформе, которые надевала, когда приходилось вести машину, и босиком прошла на кухню. В холодильнике стояла запотевшая бутылка минералки. Она налила полный стакан, подумав, набросала туда кубиков льда из морозилки и с наслаждением сделала пару глотков. Но, спохватившись, что от холодного заболит горло, вытащила из кухонного шкафчика длинную соломинку и, продолжая через нее потягивать освежающий напиток, отправилась в ванную.

Дикая жара и дорога вытянули из Ларисы все силы. Она сняла промокшую от пота одежду и встала под прохладный душ, с удовольствием ощущая, как упругие струи прогоняют из тела усталость. Так она стояла до тех пор, пока к ней не вернулась всегдашняя бодрость и окончательно не утихла боль в виске. Тогда Лариса сделала воду погорячей, взяла с полки шампунь и принялась намыливать длинные пепельно-русые волосы.

Из душа она вышла раскрасневшаяся, полностью расслабившаяся и абсолютно спокойная. Черт с ней, со ссорой на даче! Она не будет об этом думать. Ни об этом, ни о злобных старушенциях у подъезда, ни о переставшей звонить Полинке и тоскливой тишине в пустой квартире по вечерам. Она сделала свой выбор и ни о чем не жалеет.

Лариса принесла с кухни большое красное яблоко и, уютно устроившись с ногами в кресле, с аппетитом

принялась есть. Рядом на столике затренькал телефон. Лариса сняла трубку:

— Я слушаю!

— Ларка! Ну наконец-то ты приехала! А то я весь вечер трезвоню, и все без толку, — как всегда, громкий и веселый голос Милы грянул Ларисе в ухо. — Как доехала? Машина не встала? Страшная жара! Я просто таю, как шоколадка, — Мила продолжала тараторить без остановки, не дожидаясь ответных реплик.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Мила Калитина, меццо-сопрано и ныне единственная Ларисина подруга, отличалась излишней многословностью, а попросту говоря, болтливостью. Качество это, однако, ничуть ее не портило, а скорее, наоборот, очень шло. В свои тридцать два Мила имела внешность подростка — мальчишеская, узкобедрая фигура, короткие пегие вихры, озорно вздернутый нос. И ровно сто слов в минуту. Лариса улыбнулась трубке:

— Да, жара кошмарная. Я доехала, как в страшном сне. Ты-то как?

— Я-то? Как всегда, в полном порядке. Что мне сделается? Готовишься?

Мила имела в виду завтрашнюю репетицию. Конечно, надо бы подготовиться, попеть партию или хотя бы проиграть ее на фортепьяно. Но пока что у Ларисы не хватало на это сил. Может быть, потом, попозже, вечером...

— Готовлюсь, — не моргнув глазом соврала Лариса и откусила от румяного яблочного бока.

— Молодец, — завистливо вздохнула Мила, — а я что-то никак себя собрать не могу. Опять с Сережкой

разругались. Так наорала на него — аж охрипла. Как завтра петь буду?

Сережка был Милиным сыном, рожденным ею в очень юном возрасте, всего семнадцати лет от роду. Она с ним ссорилась и мирилась по десять раз на дню. За нарочито радостным голосом подружки Лариса отчетливо расслышала уныние и грусть.

— Споешь, не волнуйся, — утешила она. — Скажи лучше: не в курсе, кого Мишка на Герцога взял? Я его об этом еще в пятницу спрашивала, но тогда он еще ничего определенного сказать не мог. Звонила ему?

— Конечно, — сразу оживилась Мила.

— И что?

— А ты сидишь или стоишь?

— Сижу, — Лариса опешила от такого странного вопроса.

— На чем сидишь? — не унималась Мила. — На диване?

— В кресле. Хватит издеваться!

— Ну, тогда держись за подлокотники, да покрепче. Знаешь, кто будет твоим партнером, дорогая моя Джильда? — Мила выдержала театральную паузу и торжественно проговорила: — Ситников!

— Кто это? — Фамилия Ларисе показалась знакомой.

— Да ты что, девушка! Не знаешь, кто такой Глеб Ситников? Гран-при конкурса «Золотая лира». Его в июле каждый день по каналу «Культура» показывали. Красавчик с ангельским голосом! Мишка, оказывается, уже давно его пригласил, но держал все в тайне. Спонсоры театра квартиру ему сняли на весь репетиционный период. Вот так!

Лариса озадаченно покачала головой. Глеб Ситников... Ах, ну да. Всероссийский конкурс «Золотая лира» проходил в июле в то время, когда Лариса со своим очередным кавалером ездила в Туапсе. Это был один из тех быстротечных и ни к чему не обязывающих романов, которые один за другим возникали у нее в течение последних полутора лет. По возвращении в Москву роман так же легко угас, как и начался, но конкурс, о котором шумели в певческих кругах, она полностью пропустила. Ситникова Лариса видела лишь раз по телевизору, когда он давал интервью журналистам. В памяти осталось нечто смутное, никаких особых чувств не вызывающее. И вот теперь...

— Значит, Ситников, — задумчиво проговорила в трубку Лариса. — Что ж, я рада.

— Еще бы не рада! — ехидно произнесла Мила. — Смотри не уподи к его ногам в первый же день!

— Еще чего! — заносчиво возразила Лариса. — Пусть он падает к моим ногам. И вообще, провинциальный тенор — это не в моем вкусе.

— Ну-ну, — насмешливо поддакнула Мила. — Ладно, подруга. Пойду я, мне ужин пора готовить, парня кормить. Сын как-никак, хоть и стервец порядочный. Бывай, до завтра.

Лариса положила трубку и в рассеянности подбросила на ладони недоеденное яблоко. С ума сойти — ей предстоит петь с победителем всероссийского конкурса! И ведь у Ситникова все еще впереди — наверняка будут и победы на международных конкурсах, он же, кажется, совсем молодой, тридцати нет. Для вокалиста это детский возраст. Герцог в «Опере-Модерн» — только начало в бесконечной череде блестящих теноровых партий.

— Будет о чем вспомнить в старости, — сказала Лариса.

Она поднялась с кресла, сменила махровый банный халат на тонкий шелковый пеньюар. Затем уселась за пианино, раскрыла клавир Верди и два с половиной часа упорно и кропотливо проходила один за другим сложные места в партии. К одиннадцати глаза у нее начали слипаться, и Лариса улеглась в постель.

Проснулась она сама, без будильника, ровно в половине седьмого. Настроение было отличным. Лариса не спеша приняла душ, позавтракала, оделась и тщательно накрасилась. Придирчиво оглядела себя в зеркале и, удовлетворенная, спустилась к машине.

За ночь жара немного спала, и Лариса с удовольствием вдохнула свежий утренний воздух.

Она выехала со двора и помчалась по широкому шоссе. Народ по случаю зноя и воскресенья словно вымер, трасса и тротуары были почти пусты, легкий ветерок влетал в открытое окошко, приятно обдувая лицо и лохматя волосы. Впереди показалась поливалка, ползущая по дороге, точно гигантская ошетилившаяся ежиха. Она медленно вращала щетками и разбрызгивала веселые водяные брызги. Лариса обогнала ее и унеслась вперед.

На перекрестке замигал желтый сигнал. Лариса, плавно притормаживая, перестроилась в правый ряд — метров через двадцать после светофора ей предстояло свернуть в переулок.

Желтый свет сменился на красный. Пешеходный переход также был пуст. Но вот на расчерченную полосками дорогу ступила девочка лет восьми-девяти.

16 На ней была оранжевая джинсовая юбка и яркая зеле-

ная майка. В руках — большая хозяйственная сумка, из тех, какие носят «челноки». В глаза бросилась странная прическа — множество коротких хвостиков, схваченных разноцветными резинками и смешно торчащих в разные стороны.

«Куда она в такую рань?» — удивленно подумала Лариса, терпеливо дожидаясь, пока светофор перемигнет обратно на зеленый.

...Он появился неведь откуда, точно вырос из-под земли. Серебристый низкобрюхий «Опель» с торчащей, будто рапира, антенной. Прежде чем Лариса успела что-нибудь понять, сверкающий на солнце автомобиль, не сбавляя бешеной скорости, пронесся мимо ее «Ауди». Болезненно и надсадно взвизгнули тормоза, машина ткнулась носом вперед, и раздался всего один короткий высокий вскрик, от которого Ларису будто парализовало.

Наступила мертвая тишина. Ей казалось, что время остановилось. «Опель» стоял рядом, в левом ряду, и она отчетливо, точно в бинокль, видела его серо-серебристый бок, полупущенное тонированное стекло, за которым виднелась черноволосая голова водителя, упавшего от толчка лицом на руль. Прилепленный на присоску к лобовому стеклу, слегка покачивался маленький малахитово-зеленый краб, растопыривший тонкие щупальца. Ларисе показалось, что красные глаза-бусинки смотрят прямо на нее. Она судорожно вдохнула, пытаясь сбросить навалившуюся неподвижность, и в тот самый момент водитель вскинул голову. Вревел мотор, «Опель» рванулся с места и через несколько мгновений растаял вдали, точно мистический и злоежущий «Летучий голландец».

На негнущихся ногах Лариса вылезла из машины. Девочка лежала в двух метрах от перехода, почти у самого тротуара, широко раскинув руки и неловко повернув под себя правую ногу. Лариса с ужасом заметила, что ни с одного из хвостиков не слетела резинка. Они так и торчали в разные стороны, словно многочисленные смешные рожки.

Тишина вокруг постепенно стала наполняться возгласами и криками. Надрывно воя, приехала «Скорая», а немного позднее — вращающий мигалками милицкий «мерс». Лариса смотрела, как девочку переносят на носилки, закрывают с головой черным брезентом, грузят носилки в салон машины...

Она не заметила, в какой момент к ней подошел широкоплечий красавец майор.

— Майор Кузнецов, — опер козырнул, внимательно оглядывая Ларису. — Девушка, вы здесь были с самого начала. Видели, что произошло?

— Да, — Лариса с трудом разлепила пересохшие губы.

— А сам наезд?

— Да.

— Можете рассказать, как все было? — уже мягче спросил плечистый.

— Да.

— Тогда, прошу вас, пройдемте со мной.

Он осторожно, но твердо взял Ларису под локоть и повел к своей машине.

— Я вас слушаю, — красавец раскрыл блокнот. — Расскажите все, что видели. Постарайтесь ничего не упустить. И пожалуйста, не волнуйтесь.

— Это был серебристый «Опель», — сказала Лариса. — Номер я не запомнила. Он ехал на огромной

скорости, не меньше ста тридцати, думаю. За рулем — длинноволосый брюнет. Лица не видно было. И... краб.

— Краб? — в недоумении переспросил майор.

— Сувенир или талисман, какие вешают на лобовое стекло. Такой зеленый, с красными глазами.

— Понятно. — Майор шелкнул ручкой и застрожил в блокноте.

Глава 3

На репетицию она приехала почти с часовым опозданием. Припарковала машину во дворике бывшего кинотеатра, ныне перестроенного и безраздельно отданного в распоряжение «Оперы-Модерн». Толкнула тяжелую, обитую железом дверь и оказалась в пустынном прохладном вестибюле.

Только тут ее окончательно отпустило, — перестало гулко биться сердце, исчезла дрожь в руках. Так бывало всегда: стоило Ларисе переступить порог театра, как она чувствовала некую волшебную силу, от которой подпитывалась, становилась сильной, спокойной и уверенной.

В зеркальной стене отразилась высокая стройная девушка с красиво уложенными в пучок волосами, соблазнительно обнаженными плечами и миловидным, но бледным лицом. Лариса слегка кивнула своему двойнику и быстрым шагом двинулась к лестнице на второй этаж мимо пустующего гардероба.

Она уже поставила ногу на ступеньку, когда сверху послышались торопливые шаги. Лариса подняла голову и увидела спускающегося к ней молодого мужчину —

в светлых летних брюках и кремовой рубашке с короткими рукавами, темноволосый, с приветливым и слегка растерянным лицом.

Лариса посторонилась, чтобы пропустить парня, полагая, что перед ней один из многочисленных фанатов театра — они осаждали помещение оперы ежедневно с утра до вечера, пытаясь прорваться на репетиции и завязать знакомства с певицами. От таких субъектов не спасала даже охрана, год назад нанятая Лепеховым. Мишка, несмотря на свой кроткий нрав и ангельский характер, научился безжалостно избавляться от навязчивых поклонников.

Однако молодой человек неожиданно остановился, не дойдя до Ларисы пары шагов, и проговорил, явно смущаясь:

— Простите, тут абсолютно никого нет, и я, кажется, заблудился. А охранник говорит, что он новенький и знать ничего не знает. Вы не подскажете, где проходит репетиция?

— Репетиция чего? — уточнила Лариса на всякий случай.

— Верди. Здесь сегодня должны репетировать Верди, и я... мне...

Лариса еще раз мельком взглянула на парня, и у нее появилась смутная догадка. Красивое, точеное лицо, выразительные карие глаза, идеально очерченные, чувственные губы. И голос — мягкого, певучего тембра, слегка упирающий на «о».

— Вы приглашены петь в «Риголетто»? — перебила она мнущегося парня.

— Да, — обрадовался тот, — я...

— Глеб Ситников, — Лариса улынулась. — Верно?

— Верно, — парень был явно ошеломлен, но и польщен одновременно. — Только откуда...

— Ну, вас узнать нетрудно. Вы же известная персона, столько раз мелькали на экране. Вся наша труппа видела вас и слышала ваш великолепный голос.

— И вы? — уточнил Ситников.

— Я — нет, к сожалению. Но доверяю вкусу своих коллег.

— Значит, — Ситников первый раз улыбнулся, и улыбка у него вышла совершенно очаровательной, мягкой, чуть смущенной и одновременно озорной, — вы поете в труппе? Солистка?

— Более того, — засмеялась Лариса. — Я — та самая бедная малютка Джильда, без памяти в вас влюбленная!

— Вот это да! — Ситников театрально всплеснул руками и легко перескочил через оставшиеся ступеньки. Теперь он стоял совсем рядом с Ларисой, почти касаясь ее. Он был чуть выше ее, но казался очень стройным благодаря изящной гибкой фигуре. Темные глаза смеялись и глядели на Ларису с непонятной смесью застенчивости и дерзости.

Под этим взглядом она ощутила легкое волнение. Оно было приятным, слегка закружилась голова, и вдруг захотелось без причины смеяться, что Лариса и сделала.

С минуту они так и стояли друг напротив друга и весело, беззаботно хохотали. Потом Лариса в изнеможении оперлась рукой о перила и проговорила:

— Собственно говоря, непонятно, чему мы радуемся. Репетиция идет уже больше часа. Интересно узнать, почему вы опоздали в первый же день?

— Несчастный случай, — развел руками Ситников.

Лариса вздрогнула. Боже, как она могла забыть? Шутливые слова парня напомнили ей трагедию, произошедшую по пути в театр. Неужели после всего того, чему она недавно стала свидетелем, можно вот так стоять и заливаться идиотским хохотом?

— Кроме шуток, — холодно сказала она, — что случилось? Вас же вызывали к половине девятого, так?

— А я и не шучу, — пожал плечами Глеб. — Вот.

Он осторожно отвел со лба прядь волос, и Лариса увидела на загорелой коже свежую ярко-красную ссадину.

— Где это вы так? — сочувственно поинтересовалась она.

— Да, — досадливо отмахнулся Ситников, — я иногда бываю страшно рассеян. Не заметил открытой дверцы шкафчика в ванной. Ерунда такая, а кровь хлестала битых полчаса.

— Чуть ниже, и могли бы попасть в висок, — заметила Лариса.

— Слава богу, не попал, — улыбнулся Глеб. — А почему опоздали вы? Тоже несчастный случай?

— Да, — мрачно подтвердила Лариса. — Не будем об этом. Лучше пойдемте в зал, не стоит испытывать терпение Лепехова. — Она побежала вверх по лестнице.

Ситников шел за ней следом.

— Правду говорят, что у вас в спектаклях все ходят полностью голые? — услышала его голос Лариса.

— Не все и не полностью, но не без этого. Впрочем, не буду ничего рассказывать, сам увидишь.

— Тебе это нравится? — Глеб так же легко перешел на «ты» и на последней ступеньке обогнал Ларису, заглядывая ей в лицо.

— Нравится что?

— Ну... обнажаться на сцене. И что на тебя все смотрят.

— Это моя работа, — просто сказала Лариса. — Я ведь не просто обнажаюсь, а еще и пою. И не шансоньетки или попсу, а сложные оперные партии. Это нельзя разделять, тут все связано воедино ради одной цели — создать образ, который бы трогал зрителя. Сложно объяснить словами, потом сам поймешь.

— Чего тут непонятного? — усмехнулся Глеб, останавливаясь. — Нам куда?

Перед ними был длинный коридор второго этажа. Репетиционный зал находился слева.

— Туда, — Лариса указала на плотно обитую дерматином дверь, и Глеб широко распахнул ее перед ней.

Первым, кто бросился в глаза Ларисе, был красный от жары и возбуждения Мишка Лепехов, стоящий перед сценой, воздев руки и вдохновенно поднимая голову. Поза выглядела комичной для не знакомого с характером главрежа, но не для Ларисы, проработавшей в театре несколько лет. Краем уха она услышала, как тихонько фыркнул за ее спиной Глеб, и незаметно дернула его за руку.

Труппа сидела в глубине зала, а на сцене, точно крепость, возвышался Артем Корольков, баритон, исполняющий в спектакле роль Риголетто. Он был голый по пояс, на его мускулистый торс был нацеплен большой бутафорский горб, лицо выражало усталость и нетерпение. Видимо, Лепехов до печенок достал его поисками нового образа.

Артем первым заметил Ларису и Ситникова. Выражение его лица смягчилось, он выпрямился во весь

свой огромный рост и проговорил, обращаясь к Лепехову:

— Вот они. Пришли. Теперь их помучай, а я возьму тайм-аут.

Лепехов моментально лишился своего вдохновенного вида и стал совершенно обыкновенным: маленьким, узкогрудым и очкастым, похожим на доходягу-воробья. Невозможно было представить, что минувшей весной ему стукнуло пятьдесят два. Вообще-то артисты труппы, состоящей в основном из молодежи, должны были называть Лепехова Михаилом Григорьевичем, но холостой, бездетный, так и оставшийся вечным ребенком, он был для всех просто Мишкой, Мишей и лишь иногда, в особо торжественных случаях, Михаилом.

— Лара! — закричал он на весь зал, оборачиваясь к опоздавшим солистам. — Что происходит? Где тебя носит и... и почему вы вместе, черт побери? Вы что, куда-то ходили вдвоем? Давно знакомы?

— Да нет, — спокойно и мягко произнес Глеб, — познакомились десять минут назад на лестнице.

— На какой еще лестнице? — взвился Лепехов. — Быстро на сцену! Время уходит.

— Прямо так сразу? — удивился Ситников. — Я ведь даже не распелся.

— У нас не всегда успеваешь распеться, — Лариса уже поднималась по шатким ступенькам на высокую широченную сцену, — привыкай.

— Куда ж я денусь.

Из реквизита на сцене были лишь широкие качели. Они висели на тросах, укрепленных под потолком. В самом углу стоял большой вазон с искусственными цветами.

— Я хотел представить вас труппе, но теперь уже нет времени. — Лепехов сделал нетерпеливый жест, приглашая Глеба подойти поближе к краю сцены. — Итак, господа, Глеб Ситников, Гран-при «Золотой лиры», отныне наш замечательный Герцог. Прошу любить и жаловать.

Из зала раздались дружные аплодисменты. Ситников, слегка смутившись, наклонил голову.

— Споете нам? — задушевно поинтересовался Лепехов. — Ну, скажем, эту арию, из первого действия. А? — Не дожидаясь ответа, обратился к сидевшей за роялем Зиновье Клеймштейн: — Зинуля, солнышко, сыграй нам...

Та улыбнулась, кивнула главрежу и заиграла вступление к арии «Верь мне, любовь — это счастье и розы». В отличие от большинства музыкальных театров столицы, Лепехов принципиально ставил оперы только на русском языке.

В зале притихли, с любопытством и ожиданием уставившись на сцену. Лариса покосилась на Глеба. Тот был абсолютно спокоен, только с его лица сошло мальчишеское смешливое выражение, оно стало серьезным и строгим. Выждав положенные такты, он сделал шаг в глубь сцены и запел.

Ну и голос! Лариса замерла на месте. Глубокий и в то же время совершенно свободный, летящий далеко в зал. И культура пения высокая, слышно сразу. Фразы, интонация — все на уровне. Да, Гран-при ему дали не случайно. «Ла Скала» по нему плачет, это факт. Вот только бы убрать это оканье, а больше и придаться не к чему.

Лариса тихонько отошла в сторону и присела на качели. Слушать бы и слушать, как он поет! Насто-

ящий Герцог — обворожительный, блестящий. Она видела, как вытянулось лицо у Мишки Лепехова, в момент подобралась вся его жалкая, щедедушная фигура. Сидящая в зале Мила что-то шепнула на ухо Артему, и тот кивнул, продолжая не отрываясь смотреть на сцену.

Глаза всей труппы были устремлены на Ситникова, даже Зина, забыв про стоящий на пюпитре клavier, играла вслепую. Сам же Глеб, казалось, не замечал, какое производит впечатление. Он пел просто и естественно, как дышал, полностью перевоплотившись.

Наконец он закончил. Зина взяла последний аккорд, ее руки повисли в воздухе.

Настала секундная пауза, а затем из зала раздались крики «браво» и аплодисменты. Хлопали от души все певцы и сама Лариса, так и не вставшая с качелей.

— Замечательно! — искренне восхитился Миша. — К этому нечего добавить. Как приятно сознавать, что я не ошибся, предложив вам эту работу! Ларочка, что скажешь?

— Я потрясена. — Лариса поднялась, подошла к Глебу вплотную и протянула руку: — Поздравляю. Ты доставил нам всем огромное удовольствие!

— Очень рад, если это так, — улыбнулся тот.

Внезапно Ларисе показалось, что столь теплый и восторженный прием не слишком радует и удивляет Ситникова. Похоже, он привык к впечатлению, которое производит, и отлично знает себе цену, а все его смущенные улыбочки и растерянные жесты не что иное, как хитрые уловки, точно рассчитанная часть имиджа. Или ей кажется?

— Ладно, — произнес Лепехов, — с Герцогом все ясно. Займемся теперь вашими отношениями. Лара, ты готова спеть свое соло?

— Да, — кивнула Лариса, чувствуя невольное волнение. Нет, она, конечно, уверена в себе на все сто и партию вчера прошла на совесть, а тембр голоса у нее оригинальный, красивый, все говорят. Но все же петь после такого выдающегося исполнения будет нелегко.

— Тогда, пожалуйста, будь добра, вернись на качели. Они на сцене специально для тебя.

— Интересно. — Лариса в упор взглянула на Глеба и снова уселась на качели.

Лишь только раздались знакомые трепетные звуки, имитирующие арфу, волнение как по волшебству исчезло. На смену ему пришли восхитительное спокойствие и подъем, точно она заразилась от Глеба его уверенностью и вдохновением.

Первая же взятая Ларисой высокая чистая серебряная нота доказала ей, что так и есть. Голос звучал как никогда, тело само находило естественные и грациозные позы, дышалось легко и свободно.

— Чудесно. — Лепехов дождался, пока в партии наступит пауза, и жестом указал Зине, что нужно прервать игру. — Дальше будем фантазировать. Ты поешь о юноше, которого встретила в церкви и увлечена им до потери чувств. Он только что почти признался тебе в любви и исчез. Так в оригинале. А мы представим себе по-иному. Герцог, изображающий из себя студента, Гвальтьера Мальде, не ушел, а лишь спрятался. Он дождался, пока нянька Джильды, прервавшая их свидание, выйдет из сада, и вновь появился перед девушкой. Но он уже слышал, как она мечтает о нем, и прекрасно

понимает, что ни в чем не встретит отказа. Улавливаешь мою мысль?

— Не совсем.

— Ну как же! Разве ты не понимаешь, все это чушь, что Герцог соблазняет Джильду после похищения! Он овладевает ею гораздо раньше, еще в саду! Да-да, в саду, прямо на качелях.

Лариса мельком взглянула на Глеба. На его лице читалось изумление.

— Что ты смотришь, как баран на новые ворота? — взорвался Лепехов. — Подойди к ней! Да поближе, поближе, она не кусается!

Глеб, улыбаясь, приблизился к Ларисе почти вплотную.

— Ну и давай, действуй! Девушка только что мечтала о тебе! Начни ее раздевать, что ли!

— Прямо на сцене? — пробормотал Ситников.

— А где еще? — рассердился Лепехов. — Что вы будете делать вне сцены, меня не волнует. Интересно только то, что происходит во время спектакля. Давай, Зинуля, играй!

Зина ударила по клавишам, стараясь скрыть улыбку. По залу прокатился смешок, но Лепехов, обернувшись, сердито зыркнул на певцов.

— Как-то не ожидал я, что вот так буквально... — тихо сказал Глеб в самое ухо Ларисы.

— Не буквально, — в тон ему прошептала она, — просто обними меня. Это же театр, что тут такого? Ария кончится гораздо раньше, чем наши объятия перейдут во что-то более смелое.

— Гва-альтье-ер Ма-альде-е, — запела Лариса и тут же почувствовала, как на ее голые плечи легли руки Глеба.

— О, дорого-ое и-имя!

Что с ней? Кажется, кружится голова и перед глазами пелена. За ней постепенно исчезает зал, Мила, Артем, Мишка Лепехов. Остаются только руки Глеба, нежные, теплые, сильные. Они все уверенней касаются тела Ларисы, отыскивают застежку спереди на сарафане, легко преодолевают преграды в виде маленьких матерчатых пуговичек. А она все продолжает петь, и ей кажется, что губы произносят не вымышленное, а настоящее имя...

...Нежная, страстная мелодия растаяла, отзвучал последний хрупкий аккорд.

Кажется, она даже глаза закрыла?

Лариса словно вернулась с небес на землю, выпрямилась, мягко отвела в сторону руки Глеба и вопросительно посмотрела на главрежа.

— Очень хорошо, — ласково проговорил тот. — То, что нужно. Учитесь импровизировать. Теперь отдохните, посмотрим Магдалену.

Лариса, не глядя на Глеба, спустилась со сцены и уселась в зале с остальными.

— Отлично пела, — тихонько прошептал Артем, — молодчина.

— Спасибо, — кивнула Лариса.

Она сидела между Глебом и Корольковым, чувствуя все нарастающее смятение. Артем, словно угадывая ее состояние, повернулся, внимательно глядя в Ларисино лицо. Ей стало неловко. Артем Корольков, ста-

рый друг, надежный и преданный человек. Интересно, видел он, что произошло с ней на сцене?

А что произошло? Она и сама толком не может разобраться. Знает лишь одно: никогда ни в одном из четырнадцати спектаклей, ни в одной эротической сцене она не теряла головы. А сегодня потеряла. Явно потеряла! И сейчас еще ее плечи и грудь хранят ощущение прикосновений Глеба, а в ушах звучит его голос. Бред какой-то.

— Ты опоздала, — так же тихо произнес Корольков. — Что-то случилось?

Лариса кивнула:

— Случилось.

— Что?

— Потом.

Воспоминания о сбитой девочке потускнели, померкли, ушли в глубину сознания. Тревожить их не хотелось. Хотелось думать о Глебе, о его объятиях под музыку Верди.

— Хорошо, — Артем послушно кивнул, — если понадобится помощь, скажи.

— Спасибо, Тема. — Лариса нашла огромную его ладонь, благодарно пожала и искоса взглянула на Глеба. Тот сидел в глубокой задумчивости, чуть щуря темные глаза и сцепив руки на коленях. Огорчен? Или презирает ее? А может, ему просто глубоко наплевать на все, что произошло, — роль как роль, и ничего больше.

На сцене Мила заливалась соловьем. По своему обыкновению, она была одета в короткие штаны-капри, подростковую майку с каким-то немислимым рисунком и напоминала не пышнотелую красотку-соблазнительницу, а Гавроша на французских баррика-

дах. Лепехов что-то внушал ей насчет выразительности жестов.

Обернулся Женя Богданов, бас, поющий в опере эпизодическую партию Марулло, придворного синьора, друга Герцога, и окинул Ларису и Глеба пристальным взглядом.

— Поздравляю, вы оба были неотразимы, — он подавил зевок. — Единственное, на что здесь стоило посмотреть с половины девятого утра.

Лариса усмехнулась. Глеб продолжал сидеть молча и неподвижно, будто уснув. Позади громко чихнул Костя Саприненко, бас, исполняющий роль наемного убийцы Спарафучиле. Мила допела и умолкла.

— Кажется, на сегодня все, — сказала Лариса.

Она не ошиблась. Мишка легко заводился, горел своими идеями ярко, но долго работать не мог, теряя продуктивность. Три часа были его пределом, после которого он скисал, становился вялым и наконец отправлялся в буфет пить кофе с бутербродами. Бутерброды эти Лепехов мог поглощать в невероятном количестве, и Ларису всегда удивляло, почему чудовищное Мишкино обжорство никак не отражается на его фигуре, состоящей сплошь из острых углов.

Так было и сейчас. Лепехов посмотрел в зал одуревшими глазами и устало махнул рукой:

— На сегодня все. Завтра собираемся в это же время. Попробуем пройти первое действие целиком. Всем спасибо и до свидания.

Народ с шумом поднялся со своих мест. К Ларисе подлетела Мила, на ходу взбивая свои пегие вихры.

— Это было нечто! — затараторила она, одновременно ухитряясь обнимать Ларису и пожимать руку